

И. Д. Назаров

## Нравственное содержание права церковного убежища в контексте патриарших судов в Византии

При исследовании вопроса о нравственном содержании права церковного убежища (*jus asyli*) в контексте патриарших судов в Византии автор уделяет большое внимание истории этого явления, а также обоснованию необходимости рассмотрения уголовных дел патриаршим судом в исследуемый период. Эмпирический материал статьи представлен цитатами из правовых памятников Византии, подтверждающих теоретические доводы автора. Статья подготовлена на базе трудов дореволюционных специалистов в области церковной истории и церковного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право церковного убежища, *jus asyli*, патриарший суд, епитимья, наказание.

История византийского государства теснейшим образом связана с религией христианства. В сознании ромеев светский государь (император) не только не противопоставлялся верховному пастырю (патриарху), но создавал с ним некий союз, в основе которого лежала идея гармонии и согласия властей, связанных, но не сливающихся друг с другом, обогащающих, но не порабощающих по своей направленности.

Подобные взаимоотношения светской и церковной власти получили отражение в термине «симфония», впервые употребленном в предисловии к VI новелле Юстиниана I:

Величайшие дары Бога людям от человеколюбия свыше данные — священство (ιερωσύνη) и царство (βασιλεία), одно, служа божественному, другое о человеческом заботясь и управляя, — из одного и того же начала вышли, и привели в порядок человеческую жизнь. Поэтому ничто так не было бы весьма желанным царству, как величавость иереев, если бы только за него самого всегда они молили Бога. Ибо если первое было бы беспорочно всесторонне и с искренностью к Богу сопричастно, второе верно и подобающим

образом вверенное ему государство приводило бы в порядок, было бы согласие некое благое, так что все благо роду человеческому было бы подарено [Flavius Justinianus].

Достижение византийским обществом идеалов христианства: любви к ближнему и всепрощения, подкрепленное идеей зависимости мира и благоденствия подданных от единомыслия и согласия царской и патриаршей власти [Грибовский, 342], способствовало расширению влияния последней на все сферы общественной жизни.

Ярким примером привилегии церкви по отношению к светской власти можно считать право церковного убежища (*jus asyli*), в соответствии с которым христианские обители получали возможность давать под своим кровом необходимую защиту лицам, которым грозила явная опасность стать жертвами людской злобы и несправедливости или в определенных случаях претерпеть установленное светской властью наказание за совершенное правонарушение. Следует отметить, что все лица, которые обращались к церкви с просьбами о милосердии, когда терпели несправедливость от других или за нарушение закона были осуждены на суровое наказание, находили в храмах неприкосновенное *asylum* (убежище), причем просящий убежища не мог быть извлечен из обители при помощи силы, а местный патриарх или епископ брал его под свою защиту и немедленно ходатайствовал перед императором о снисхождении.

Нравственная сторона права церковного убежища в большей степени проявлялась в периоды политических волнений, дворцовых переворотов, народных беспорядков, когда побежденная сторона оказывалась беззащитной и обреченной на неизбежные репрессии и лишь под защитой церкви могла найти себе спасение от произвола победителя. Таким образом в храмах находили защиту должники, подвергавшиеся преследованиям от жестоких и немилостивых кредиторов, невольные и случайные убийцы, которым грозила смертная казнь, рабы, скрывающиеся от гнева и преследования хозяина, и другие гонимые и притесняемые члены византийского общества.

Начиная с конца IV в. н. э. право церковного убежища было регламентировано особыми законами византийских императоров, которые то расширяли действие данной правовой конструкции, то создавали в ее рамках определенные ограничения. Так, император Феодосий I своим законом от 392 г. приказал забирать из

мест убежища должников государственной казны, а если епископы и клирики отказывались их выдать, то последние были обязаны оплатить государственную недоимку из собственных средств [Павлов. *Сборник памятников*]. Законы императора Аркадия 397 и 398 гг. еще больше ограничили возможность применения *jus asyli*, лишив права убежища должников не только казны, но и частных лиц. В соответствии с указанными законами экононы церквей, принявшие под свою защиту должников, обязаны были покрывать их долги [Павлов. *Сборник памятников*]. Император Феодосий II Младший эдиктом от 409 г. отменил существовавшие ограничения относительно *jus asyli*, расширил пределы убежищного права на все пространство около храмов, до внешних входов включительно (*ad extremas fores ecclesiae*) [Павлов. *Сборник памятников*]. Аналогичный подход в отношении *jus asyli* был закреплён императором Львом I в законе 466 г. [*Codex Justinianus*].

Иные постановления о праве церковного убежища были приняты императором Юстинианом I. Возродив подход к *jus asyli*, заложенный императором Аркадием, он обратил особое внимание на использование данного права уголовными преступниками. Так, И. И. Соколов отметил изменение круга лиц, имевших право на убежище, при переводе новеллы XVII, изданной в 535 г., в которой император узаконил следующее:

...Убийцам, прелюбодеям, похитителям дев не следует обеспечивать безопасность ни в каких пределах (храма), но их должно извлекать (из мест убежища) и предавать наказанию: ведь необходимо щадить не тех, которые совершили подобные преступления, но пострадавших, чтобы последние не переносили таких (несчастий) от более дерзких людей, иначе сказать — законом предоставлена безопасность в храмах не преступникам, но обижаемым, и невозможно допустить, чтобы тот и другой, т. е. виновный в преступлении и пострадавший, в равной мере пользовались безопасностью в местах убежища [Соколов. *Патриарший*, 218].

Содержание данной новеллы имеет большое значение для понимания нравственных ориентиров, существовавших в Византии в указанный период. Говоря о том, что преступник, в отличие от обижаемого (потерпевшего), ни при каких обстоятельствах не имеет права пользоваться церковным убежищем, Юстиниан по существу создает собственную нравственную установку, существенно отличающуюся от положений христианской морали: «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили,

а по Своей милости»<sup>\*1</sup>; «Ибо благодатию вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился»<sup>\*2</sup>; «Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный. А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших»<sup>\*3</sup>.

<sup>\*1</sup> Тит 3:5

<sup>\*2</sup> Еф 2:8–9

<sup>\*3</sup> Мф 6:14–15

Подобная коллизия неслучайна, в ней заключен весьма определенный контекст. Цель светской власти заключается в грамотном управлении государством, она достигается, в частности, с помощью поддержания общественного и, что самое главное, правового порядка. Если усилия светской власти направлены на сохранение и излечение «организма» современного общества, то целью церковной власти является сохранение и излечение его «души». Средства здесь играют огромную роль: аппарат принуждения, с одной стороны, и заповеди, призывающие к покаянию и смирению, с другой.

Преодоление данной коллизии нашло свое отражение в § 1 титула XVII Эклоги Льва Исаврянина и Константина Копронима, принятой в 740 г. В соответствии с ним:

Никто, укрывающийся в церкви, не может быть уведен оттуда силой, но вина укрывающегося должна быть известной иерею, и тогда укрывающийся может быть взят под обеспечение для законного расследования и рассмотрения его дела. Если же кто-либо вздумает по какому-либо поводу наложить руку на укрывающегося в церкви, то он получит двенадцать ударов, и затем, как положено, дело укrywшегося будет подвергнуто расследованию [Эклога, 68].

Аналогичные запреты на принудительное извлечение из храма укрывающегося лица содержатся в титуле XXXIX Прохирона императора Василия Македонянина (876 г.) и титуле XXX Эпанолаги Василия I (885 г.).

Изданный императором Львом VI Мудрым памятник византийского права — Василики — содержит в себе синтез правовых воззрений на *jus asyli*. В нем очерчиваются пределы церковного убежища, решается вопрос об оружии, которое преследуемый принес с собой в стены обители, подтверждается принятое Юстинианом ограничение убежища для убийц, прелюбодеев и похитителей дев, запрещается насильно удалять из храма лиц, воспользовавшихся этим правом. Кроме того, в Василиках определяется значение епископа и клира в непосредственном применении указанного права. Так, если преследуемый, находящийся в месте убежища, не желал публично выступить с ответом по поводу

своей вины и предпочитал оставаться внутри церкви, то эконо́м предлагал ему представить суду доказательства под своим покровительством. Если против преследуемого возбуждался в суде гражданский иск, то он мог вести свое дело лично или при помощи специально уполномоченных церковных поверенных. После этого эконо́м представлял суду имущество, которое ответчик приносил с собой в ограду церкви [Соколов. *Патриарший*, 219].

Таким образом, право церковного убежища развивалось в Византии под покровительством и при участии духовной власти и регламентировалось в гражданском законодательстве в связи с благоприятным нравственным влиянием церкви на византийское общество.

Дальнейшее развитие законодательства в сфере *jus asyli* позволило распространить право церковного убежища и на лиц, совершивших убийство. Об этом свидетельствуют прежде всего две новеллы императора Константина VII Порфирородного о церковном суде над убийцами, прибегающими под защиту христианской церкви и константинопольского патриарха. Обратив внимание на ограничение Юстиниана в отношении церковного убежища для убийц, внесенное в Василики, Константин VII счел возможным изменить его, основывая свои рассуждения на положениях христианской морали. Император приводит следующий пример. Человек совершил убийство, которое осталось тайным и нерасследованным. Впоследствии убийца начинает задумываться о моральной стороне совершенного деяния и стремится к излечению нанесенной душевной раны при помощи исповеди. Размышляя о содеянном, он приходит к мысли, что коль скоро он объявит об убийстве, то будет схвачен и подвергнется суду по закону и со стороны архонта. Для того чтобы очистить совесть и избежать кары, он является в храм, приступает к священнику и, располагая полной безопасностью, приносит свою исповедь и получает отпущение. Таким образом соблюдаются и определение закона, и неприкосновенность храма.

Если же речь идет о явных убийцах, воспользовавшихся правом церковного убежища, такие должны подвергнуться сначала церковной епитимье в соответствии с канонами, а затем изгнанию с последующим заключением в монастырь, если убийство было совершено обдуманно и заранее приготовленными средствами [Павлов. *Греческая запись*, 155–156]. Что касается епитимьи, то она осуществлялась в соответствии с правилами 56 и 57 св. Василия Великого:

Волею убивший и потом покаявшийся, двадесать лет да будет без причастия святых таин... Неволею убивший десять лет да не причастится святых таин [Правоведение, 764].

О праве византийского патриарха судить церковным судом убийц говорится и в новелле императора Мануила Комнина от 1166 г. Эту новеллу Вальсамон включил в комментарий к 8 правилу св. Василия Великого. Если виновный в убийстве успевает скрыться и прибегнуть к великой Божьей Церкви, то патриарх, прежде чем подвергнуть его церковному суду и епитимье, должен обратиться за информацией о преступлении к епископу и клиру той епархии, к которой принадлежит виновный, а также к местному окружному судье, дабы точнее установить, как было совершено убийство: по каким мотивам, обдуманно или нет. И церковные судьи, действующие по указанию патриарха, должны наказывать за убийство с надлежащей канонической строгостью: сроков епитимьи не сокращать по своему усмотрению и не проявлять мягкости сверх должного там, где не нужно. Преступник, совершивший добровольное и умышленное убийство, может — по определению новеллы — подлежать и пострижению в монахи, но при этом необходимы особенные строгость и осмотрительность, предварительное испытание в течение достаточного времени. Если же виновный в убийстве не заслуживает пострижения в монашество, то после церковной епитимьи император или его уполномоченный — эпарх столицы ссылает его в какую-нибудь область, где он и остается до конца жизни [Правоведение, 714–715].

Особого внимания заслуживает содержание сигиллий константинопольских патриархов, затрагивающих различные нравственные вопросы права судебного убежища. Так, в 1059 г. византийский патриарх Константин Лихуд принял синодальное определение в отношении рабов-убийц. В нем он указывал, что не лишены права на церковное убежище и рабы, совершившие убийство. Данное право проистекает из принципа справедливого отношения ко всем людям независимо от их социального положения. Церковь с состраданием относится к тем из них, которые посягнули на человеческую жизнь и оказались в пределах юрисдикции права *jus asyli*, она избавляет их от смерти наравне с остальными, но, согласно издревле утвержденному обычаю, осуждает на вечное рабство до конца жизни. Их отдают монастырям и богоугодным домам, чтобы они не могли и подумать

о свободной жизни, на которую рассчитывали, а в своем положении видели обличение совершенного преступления и посредством покаяния очищались от совершенного греха. Если станет известно, что наказанный раб получил свободу, то он не избежит справедливо назначенного ему наказания, но опять с помощью церковных эдиктов будет предан самому тяжелому рабству и самой тягостной службе; неизбежны взыскание для епископии, отвергнувшей письменные распоряжения, и каноническое наказание для ее предстоятеля [Соколов. *История*, 64].

Приведенный сигиллий патриарха Константина Лихуда дает ответ на вопрос о социальном значении патриарших судов над убийцами в Византии. Прежде всего, преимуществ этого суда не были лишены и рабы, воспользовавшиеся правом церковного убежища. Они, согласно древнему обычаю, также подлежали суду патриарших эдиктов, которые и налагали на них епитимью со всею строгостью церковных канонов. А затем, учитывая то, что рабы совершали убийства преимущественно с целью получить свободу, патриаршие судьи применяли к рабам-убийцам и особую меру взыскания: их отдавали в пожизненное владение какому-либо богоугодному заведению или монастырю. Там они несли возложенную на них епитимью и одновременно исполняли обязанности подневольного служения, для того чтобы в этой пожизненной зависимости непрерывно видеть укор за совершенное преступление и мотив к покаянной жизни для излечения своей душевной раны. По суду патриарха, церковные власти монастыря или богоугодного заведения не только не имели права освобождать раба-убийцу, но и были обязаны препятствовать другим в осуществлении подобной цели, дабы лишить преступника свободы и оказать моральное воздействие на других рабов, стремящихся освободиться с помощью преступления. Самое главное, что церковные власти должны были употребить со своей стороны все меры, дабы раб правильно и добросовестно исполнял возложенную на него епитимью, чтобы он имел возможность очиститься от греха; кроме того, ни господа, ни родственники убитого не должны были мстить убийце, угрожать или препятствовать в исполнении приговора патриаршего суда. Встречались случаи, как указывает сигиллий патриарха Константина Лихуда, когда преступники-рабы патриаршим судом вверялись какому-либо епархиальному архиерею, под руководством которого и исполняли епитимию по приговору суда. При этом документ ничего не говорит

о наказании убийцы по приговору светского суда, которого, по-видимому, совсем не было наряду и совместно с судом церкви и патриарха.

В отношении священников, осквернивших себя убийством, также применялось право *jus asyli*, причем и они, наравне с другими убийцами, подлежали патриаршему суду, лишались священного сана и низводились в среду мирян до конца своей жизни, и это наказание служило для них достаточным искуплением греха убийства. Из этого следует, что в отношении клириков патриарший суд ограничивался только лишением виновного в убийстве священного сана и несением епитимьи в мирском звании, но опять безо всякого наказания его со стороны светской власти.

Таким образом, в Византии патриарший суд вершил правосудие даже над уголовными преступниками. Тяжелейшее из преступлений — нарушение божественных и человеческих законов, убийство — подлежало прежде всего ведению и рассмотрению патриарха, который и творил суд на основании церковных законов, карал преступника по приговору священных канонов, обеспечивал ему возможность искупить грех, спасти свою душу, в течение 15 лет предохранял его от кары светского закона и от мести родственников убитого [Павлов. *Сборник памятников*, 131–132] для того, чтобы применить в полной мере канонические средства взыскания и нравственного исправления.

## Литература

1. *Грибовский* = Грибовский В. М. Народ и власть в Византийском государстве : Опыт историко-догматического исследования. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1897. 439 с.
2. *Павлов. Греческая запись* = Павлов А. С. Греческая запись о церковном суде над убийцами, прибегающими под защиту церкви // Византийский временник. 1897. Т. 4. Вып. 1–2. С. 155–159.
3. *Павлов. Сборник памятников* = Сборник неизданных памятников византийского церковного права / Сост., ист.-лит. предисл. А. Павлова. СПб. : Тип. Имп. академии наук, 1898. 146 с.
4. *Правоведение* = Правое правоведение. М. : Сподвижник, 2008. 1333 с.
5. *Соколов. Патриарший* = Соколов И. И. Патриарший суд над убийцами в Византии X–XV века : Исторический этюд // Христианское чтение. 1909. № 2. С. 216–237.
6. *Соколов. История* = Соколов И. И. Избрание патриархов в Византии с половины IX в. до половины XV в. СПб. : Изд-во Макарова, 1897. 238 с.



7. *Эклога* = Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. Е. Э. Липшиц. М. : Наука, 1965. 228 с.
8. *Codex Justinianus* = De his, qui ad ecclesias confugiunt vel ibi exclamant // *Codex Justinianus*. Lib. I. Cap. XII. URL: <http://droitromain.upmf-grenoble.fr/Corpus/CJ1.htm#12> (дата обращения: 06.03.2016).
9. *Codex Theodosianus* = De his, qui ad ecclesias confugiunt // *Codex Theodosianus*. Lib. IX. Tit. XLV. URL: <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/liber09.htm#45> (дата обращения: 06.03.2016).
10. *Flavius Justinianus* = Flavius Justinianus, Imp. Novellae // *Corpus iuris civilis*. Vol. 3. Nov. 6 / Ed. R. Scholl and W. Kroll. Repr. 1895. Berlin : Weidmann, 1968.

### **I. D. Nazarov**

## **Moral Content of the Right of Shelter and Impunity within Patriarchal Courts in Byzantium**

The article examines the moral content of the right of shelter and impunity possessed by churches (*jus asyli*) within patriarchal courts in Byzantium. The author focuses on the history of this phenomenon and on the arguments on why criminal cases had to be heard in patriarchal court during the period under consideration. The empirical evidence is presented by quotations from Byzantine legal monuments confirming the author's theoretical arguments. This article was written on the basis of works of pre-revolutionary scholars in church history and canon law.

**KEYWORDS:** the right of shelter and impunity in churches, *jus asyli*, patriarchal court, penance, punishment.